

Новые известия. 1999. 13 апр. - с. 7

Виктор Матизен, «Новые Известия»

Шекспир бульварного чтива

В Доме кино прошел короткий фестиваль «Шекспир на экране», где демонстрировались недавние фильмы, связанные с именем драматурга. Все они были или будут в российском прокате.

Показ открылся «Влюбленным Шекспиром», только что собравшим богатый урожай «Оскар». Хотя в последние годы возобновился выход трудов, где упорно доказывается, что некто Уильям Шакспер существовал, но пьес по безграмотности не писал (под его именем их якобы сочиняла некая компания английских аристократов), авторы фильма в авторстве Шекспира как будто не сомневаются. Другое дело, что созданный ими Шекспир (в симпатичном, но простоватом исполнении Джозефа Финнеса) мало напоминает человека, который мог бы создать «Гамлета», хотя автором «Двенадцатой ночи» мог быть вполне, а это льет воду на мельницу тех, кто утверждает, будто комедии писал один человек, а трагедии — совсем другой. Впрочем, можно предположить, что в недалеком будущем английского поэта достигнет душевный перелом, после которого он станет другим человеком и все то, что видел в смешном свете, увидит в мрачном и даже вложит в уста своему принцу слова о том, что вещи не хороши и не дурны сами по себе, но наше отношение делает их такими. Постиг же такой перелом Пушкина, который в двадцать лет смотрел на рогатых мужей под одним углом зрения, а за тридцать — под совсем иным, недаром же вложил в уста Татьяне название Натали («Но я другому отдана»). К сожалению, не был показан обещанный «Отелло» Оливера Паркера, не то можно было порассуждать и о том, что Пушкин, читая пьесу о венецианском мавре, увидел в нем себя и тут же закрылся знаменитой фразой «Отелло по природе не ревнив, он доверчив», хотя, как «умнейший муж России» (император Николай едва ли без умысла сказал эту двусмысленность), не мог не понимать, что доверие к Яго есть недоверие к Дездемоне.

Как бы то ни было с обими поэтами, пока Шекспир молод и влюблен в аристократку Виолу (Гвинет Пэлтроу), предначиненную другому, он уже ведает, из какого сора растут стихи и пьесы, поскольку подбирает слова и сюжеты где попало. Сценаристы Марк Нортон и Том Стоппард с английским юмором (замечая, но не педалируя) отыгрывают это обстоятельство, забрасывая в лондонскую толпу реплики, которым предстоит стать бессмертными. «Чума на оба ваши дома!» — вопит какая-то баба своим соседям по улице, и умница Уилл Шекспир легким движением бровей берет фразу на заметку. Чуть пережми — и

можно было бы повторить вслед за советским учебником: «Подлинным автором произведений Шекспира был английский народ». Второй источник творений Шекспира, по мысли авторов, — бульварная литература, вернее, драматургия. Ни бульваров, ни Булвер-Литтона, в честь которого и был назван этот сорт прозы, в ту пору еще не было, но, поскольку театры были коммерческими предприятиями (этот момент тоже отыгран на всю катушку), массовой драматургии не могло не быть. Одним из первых уловило коммерческую составляющую пьес английского буржуазного драматурга, конечно же, зеркало русской антибуржуазной революции, оно же граф Лев Толстой. «Прочел «Макбета» с большим вниманием, — писал граф в дневнике, — балаганные пьесы. Усовершенствованный разбойник Чуркин». Граф, как известно, был не только пронырлив, но и впечатлителен. Прочтя аглицкого Чуркина, он пересел за другой письменный стол и написал русского Рудольфа (Рудольф, князь Герольштейнский — персонаж романа Эжена Сю «Парижские тайны»). Вот как излагает это бессмертное произведение современный отечественный режиссер Александр Митта: «Молодой красавец граф соблазнил невинную девицу и бросил. Она покатила в пропасть жизни. Ее несправедливо обвинили в убийстве. И тут граф, будучи присяжным в суде, признает в осужденной возвращенную им девицу. Он потрясен и хочет спасти ее, взяв в жены. Граф бросает пустую светскую жизнь и следует за ней в Сибирь». А вы не верили, что богатые графы тоже плачут?

Короче говоря суконным языком, Мэдден, Нортон и Стоппард «поднимают чрезвычайно актуальную для нашего кино проблему соотношения авторского и коммерческого». Причем делают это с блеском, в равной степени свидетельствующим о легкости и поверхностности фильма, где много симпатичных героев, но единственный персонаж, на лице которого написано неизмеримо больше, чем говорят слова, — королева Елизавета в исполнении Джуди Денч. И только она одна во «Влюбленном Шекспире» выдерживает сравнение не только с тем, что смотрят в этом году в Лос-Анджелесе, а с высшими достижениями актерского искусства.

Зато сравнения с Мэдденом не выдерживает **Баз Лурмен** со своей осовремененной версией «Ромео и Джульетты» — второе впечатление не улучшило первого. Пока мелькает фарш из мелко порубленных крупных и общих планов, все нормально и даже эффектно, хотя условность самого действия для кино явно чрезмерна. Неожидан переоде-

Классик за работой...

тый в женщину черный Меркуцио, хорош Тибальд, в котором сквозь упертость проступает растерянность, недурен и Ромео в исполнении «титаника» Ди Каприо, но с любовными сценами приходит скука. Как танцуют и как дают в морду — это автор «Только в танцевальном зале» показывать умеет, а вот как любят — не знает.

Третьим фильмом программы оказался «Гамлет» в постановке известного актера **Кеннета Бранаха**, сыгравшего роль датского принца, тогда как Офелию играет титаническая женщина Кейт Уинслет. Тоже кич, хотя не такой открытый, как у Лурмена. Бранаховский Гамлет — подтянутый мужик в лосинах, ничем не напоминающий Лоуренса Оливье в той же роли, но несколько смахивающий на Вронского в исполнении Василия Ланового — словом, гусар, а не интеллигент, каким был, скажем, Смоктуновский. Никаких «рефлексов» этот новый принц не знает, да и вообще известно, что сентиментального Гамлета выдумали немцы в ту пору, когда были раздроблены и еще не помышляли о европейском господстве, равно как «нерешительного» Гамлета в значительной мере выдумали в России и других странах, где людям невдомек, почему Гамлет не устраивает дяде Клавдию кровавую разборку сразу же после визита покойного папы. А не устраивает именно потому, что мыслит не по-нашему. Как Джеймс Дин в классическом фильме Элиа Казана («Оскар-99» за заслуги перед кинематографом) первым делом спрашивает, есть ли закон, запрещающий ему делать то, что он делает, т.е. ссылается на право, разрешающее делать все, что не запрещено, так и Бранах спрашивает себя не о том, надо ли мстить за убийство отца, а о том, достаточно ли у него доказательств вины Клавдии, и о том, чтобы возмездие было публичным, а не частным актом. Ес-

ли угодно, чтобы не «Гамлет против Клавдия», а «датский народ против Клавдия» — при всей условности этого народа, сосредоточенного в Эльсиноре. Так что Бранах хоть и гусар, а соображает, не говоря уже о том, что юмор у него пятью ступенями выше, чем у поручика Ржевского. Причем по его столь же отточенным, сколь и небрежным репликам видно, что он в отличие от принца Смоктуновского, который произносит свои «mots» со значением, интеллеktуал не первого поколения. И что Шекспир, когда сочинял свои трагедии, оставался классным комедиографом. Все прочее в фильме несущественно, а Фортинбрас, который всю дорогу идет на Данию, а к концу последнего акта устраивает альпинистский штурмником не охраняемого Эльсинора, символичен до неприличия.

Замыкала фестиваль чистая комедия — «Двенадцатая ночь» Тревора Нанна с Хелен Бонэм Картер в главной роли и великим Беном Кингсли в роли Шута. Хелен Картер сыграла юношу ничуть не хуже, чем Гвинет Пэлтроу, — те же усики, та же походка и то же вечное зрительское недоумение, почему люди больших времен так плохо отличали мужчин от женщин, что вся старая литература просто кишит примерами подобной путаницы. Мы-то с вами даже по телевизору способны увидеть, кем был трансвестит до того, как его окоротили или удлиннили в причинных местах, закрытых от нашего взгляда. «Чтобы познать, раньше нужно было пошупать», — сказал один культуролог, ухитрившийся построить на этом осязательном основании целую эпистемологию. В остальном ночь выдалась занятной — нагор шекспировского текста в самом деле таков, что комедия не сходит со сцены уже четыре века, тогда как тысячи подделок с теми же вздорными перипетиями не переживают и сезона.